БОЛЬШЕ ЧЕМ КЛАССИКА

читаем и анализируем

Классика для экзаменов и для себя

ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ

РАССКАЗЫ

Иван Алексеевич
БУНИН

Полный текст произведения

Материалы для анализа

Вопросы и темы для сочинений

Больше чем классика: читаем и анализируем

Иван Бунин

Тёмные аллеи. Рассказы

«Эксмо»
1943

УДК 821.161.1-31(07)
ББК 84(2Рос=Рус)1-44я721

Бунин И. А.

Тёмные аллеи. Рассказы / И. А. Бунин — «Эксмо», 1943 — (Больше чем классика: читаем и анализируем)

ISBN 978-5-04-255589-3

Книга содержит рассказы И. А. Бунина «Тёмные аллеи», «Антоновские яблоки», «Чистый понедельник», «Господин из Сан-Франциско», «Лёгкое дыхание» и учебно-справочные материалы для подготовки к урокам, экзаменам и написанию сочинений. В книге приводятся: • история создания произведений; • подробный план; • ключевые эпизоды; • характеристика героев; • объяснение устаревших слов; • аргументы для сочинений; • развёрнутые ответы на вопросы по произведениям и другие материалы. Издание идеально подойдёт для школьников, сдающих ОГЭ и ЕГЭ, преподавателей, ценителей классики, а также для всех, кто хочет понять произведения русской литературы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-31(07)
ББК 84(2Рос=Рус)1-44я721

ISBN 978-5-04-255589-3

© Бунин И. А., 1943
© Эксмо, 1943

Содержание

«Темные аллеи» 6
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Иван Бунин
Темные аллеи

Серия «Больше чем классика: читаем и анализируем»

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

«Темные аллеи»

В холодное осеннее ненастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими черными колеями, к длинной избе, в одной связи которой была казенная почтовая станция, а в другой частная горница[1], где можно было отдохнуть или переночевать, пообедать или спросить самовар, подкатил закиданный грязью тарантас[2] с полуподнятым верхом, тройка довольно простых лошадей с подвязанными от слякоти хвостами. На козлах тарантаса сидел крепкий мужик в туго подпоясанном армяке[3], серьезный и темноликий[4], с редкой смоляной бородой[5], похожий на старинного разбойника, а в тарантасе стройный старик-военный в большом картузе и в николаевской серой шинели[6] с бобровым стоячим воротником, еще чернобровый, но с белыми усами, которые соединялись с такими же бакенбардами; подбородок у него был пробрит, и вся наружность имела то сходство с Александром II, которое столь распространено было среди военных в пору его царствования; взгляд был тоже вопрошающий, строгий и вместе с тем усталый.

Когда лошади стали, он выкинул из тарантаса ногу в военном сапоге с ровным голенищем и, придерживая руками в замшевых перчатках полы шинели, взбежал на крыльцо избы.

– Налево, ваше превосходительство! – грубо крикнул с козел кучер, и он, слегка нагнувшись на пороге от своего высокого роста, вошел в сенцы[7], потом в горницу налево.

В горнице было тепло, сухо и опрятно: новый золотистый образ[8] в левом углу, под ним покрытый чистой суровой скатертью стол, за столом чисто вымытые лавки; кухонная печь, занимавшая дальний правый угол, ново белела мелом, ближе стояло нечто вроде тахты[9], покрытой пегими[10] попонами[11], упиравшейся отвалом[12] в бок печи, из-за печной заслонки сладко пахло щами – разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом.

Приезжий сбросил на лавку шинель и оказался еще стройнее в одном мундире и в сапогах, потом снял перчатки и картуз и с усталым видом провел бледной худой рукой по голове – седые волосы его с начесами на висках к углам глаз слегка курчавились, красивое удлиненное лицо с темными глазами хранило кое-где мелкие следы оспы. В горнице никого не было, и он неприязненно крикнул, приотворив дверь в сенцы:

– Эй, кто там!

Тотчас вслед за тем в горницу вошла темноволосая, тоже чернобровая и тоже еще красивая не по возрасту женщина, похожая на пожилую цыганку, с темным пушком на верхней губе и вдоль щек, легкая на ходу, но полная, с большими грудями под красной кофточкой, с треугольным, как у гусыни, животом под черной шерстяной юбкой.

---

[1] Горница – комната в верхнем этаже, чистая половина крестьянской избы. В тексте встречается в контексте постоялого двора, где можно было отдохнуть или переночевать.

[2] Тарантас – четырехколесная повозка на длинных дрогах, обычно крытая.

[3] Армяк – мужская верхняя длиннополая одежда из сукна.

[4] Темноликий – со смуглой кожей.

[5] Смоляная борода – очень черная борода.

[6] Николаевская шинель – шинель с широким воротником в виде безрукавной накидки, популярная в первой половине XIX века.

[7] Сенцы, сени – прихожая.

[8] Образ – здесь: икона.

[9] Тахта – широкий диван без спинки.

[10] Пегий – пятнистый, пестрый, имеющий неоднородную окраску.

[11] Попона – покрывало для лошади.

[12] Отвал – боковой валик-подлокотник у тахты или дивана.

– Добро пожаловать, ваше превосходительство, – сказала она. – Покушать изволите или самовар прикажете?

Приезжий мельком глянул на ее округлые плечи и на легкие ноги в красных поношенных татарских туфлях и отрывисто, невнимательно ответил:

– Самовар. Хозяйка тут или служишь?

– Хозяйка, ваше превосходительство.

– Сама, значит, держишь?

– Так точно. Сама.

– Что ж так? Вдова, что ли, что сама ведешь дело?

– Не вдова, ваше превосходительство, а надо же чем-нибудь жить. И хозяйствовать я люблю.

– Так. Так. Это хорошо. И как чисто, приятно у тебя.

Женщина все время пытливо смотрела на него, слегка щурясь.

– И чистоту люблю, – ответила она. – Ведь при господах выросла, как не уметь прилично себя держать, Николай Алексеевич.

Он быстро выпрямился, раскрыл глаза и покраснел:

– Надежда! Ты? – сказал он торопливо.

– Я, Николай Алексеевич, – ответила она.

– Боже мой, боже мой! – сказал он, садясь на лавку и в упор глядя на нее. – Кто бы мог подумать! Сколько лет мы не видались? Лет тридцать пять?

– Тридцать, Николай Алексеевич. Мне сейчас сорок восемь, а вам под шестьдесят, думаю?

– Вроде этого… Боже мой, как странно!

– Что странно, сударь?

– Но все, все… Как ты не понимаешь!

Усталость и рассеянность его исчезли, он встал и решительно заходил по горнице, глядя в пол. Потом остановился и, краснея сквозь седину, стал говорить:

– Ничего не знаю о тебе с тех самых пор. Как ты сюда попала? Почему не осталась при господах?

– Мне господа вскоре после вас вольную дали.

– А где жила потом?

– Долго рассказывать, сударь.

– Замужем, говоришь, не была?

– Нет, не была.

– Почему? При такой красоте, которую ты имела?

– Не могла я этого сделать.

– Отчего же не могла? Что ты хочешь сказать?

– Что ж тут объяснять. Небось помните, как я вас любила.

Он покраснел до слез и, нахмурясь, опять зашагал.

– Все проходит, мой друг, – забормотал он. – Любовь, молодость – все, все. История пошлая, обыкновенная. С годами все проходит. Как это сказано в книге Иова? «Как о воде протекшей будешь вспоминать».

– Что кому Бог дает, Николай Алексеевич. Молодость у всякого проходит, а любовь – другое дело.

Он поднял голову и, остановясь, болезненно усмехнулся:

– Ведь не могла же ты любить меня весь век!

– Значит, могла. Сколько ни проходило времени, все одним жила. Знала, что давно вас нет прежнего, что для вас словно ничего и не было, а вот… Поздно теперь укорять, а ведь правда очень бессердечно вы меня бросили, – сколько раз я хотела руки на себя наложить от

обиды от одной, уж не говоря обо всем прочем. Ведь было время, Николай Алексеевич, когда я вас Николенькой звала, а вы меня – помните как? И все стихи мне изволили читать про всякие «темные аллеи», – прибавила она с недоброй улыбкой.

– Ах, как хороша ты была! – сказал он, качая головой. – Как горяча, как прекрасна! Какой стан, какие глаза! Помнишь, как на тебя все заглядывались?

– Помню, сударь. Были и вы отменно хороши. И ведь это вам отдала я свою красоту, свою горячку. Как же можно такое забыть.

– А! Все проходит. Все забывается.

– Все проходит, да не все забывается.

– Уходи, – сказал он, отворачиваясь и подходя к окну. – Уходи, пожалуйста.

И, вынув платок и прижав его к глазам, скороговоркой прибавил:

– Лишь бы Бог меня простил. А ты, видно, простила.

Она подошла к двери и приостановилась:

– Нет, Николай Алексеевич, не простила. Раз разговор наш коснулся до наших чувств, скажу прямо: простить я вас никогда не могла. Как не было ничего дороже вас на свете в ту пору, так и потом не было. Оттого-то и простить мне вас нельзя. Ну да что вспоминать, мертвых с погоста не носят.

– Да, да, не к чему, прикажи подавать лошадей, – ответил он, отходя от окна уже со строгим лицом. – Одно тебе скажу: никогда я не был счастлив в жизни, не думай, пожалуйста. Извини, что, может быть, задеваю твое самолюбие, но скажу откровенно – жену я без памяти любил. А изменила, бросила меня еще оскорбительней, чем я тебя. Сына обожал – пока рос, каких только надежд на него не возлагал! А вышел негодяй, мот, наглец, без сердца, без чести, без совести… Впрочем, все это тоже самая обыкновенная, пошлая история. Будь здорова, милый друг. Думаю, что и я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.